



УДК 821.161.1.09-3+929

БОЛЕЗНЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XX ВЕКА

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

Статья посвящена анализу морбуальных метафор, применяемых при изображении социальных и политических событий истории России XX века на материале литературных и публицистических текстов. Исследуются эстетические и прагматические функции данных метафор.

Ключевые слова: морбуальность, метафора, революция, М. Горький, П. Сорокин, М. Алданов, В. Набоков, С. Кржижиновский, А. Солженицын.

Illness as a Social and Political Metaphor in Literature and Journalism of the XXth Century

E. G. Trubetskova

Elena G. Trubetskova, ORCID 0000-0001-7728-2382, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

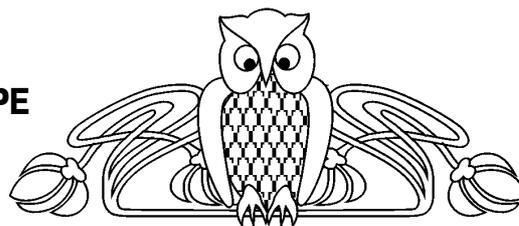
The article is dedicated to the analysis of the morbid metaphors employed in depicting social and political events of the Russian history of the XXth century on the material of literary and journalistic texts. Aesthetic and pragmatic functions of these metaphors are researched.

Key words: morbidity, metaphor, revolution, M. Gorky, P. Sorokin, M. Aldanov, V. Nabokov, S. Krzhizhinovskiy, A. Solzhenitsyn.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68

Слово «болезнь» имеет достаточно широкую область метафорических проекций. В европейских и в русском языках оно часто переносится на обозначение чего-то негативного, неприятного. Сьюзен Сонтаг в работе «Болезнь как метафора» приводит знаменательные примеры таких проекций, закрепленные в языковом сознании европейцев: «Эпидемические болезни всегда были риторическими фигурами. От английского “pestilence” (бубонная чума) произошли прилагательные “pestilent” ... – “гибельный для религии, нравов или общественно-спокойствия” и “pestilential”, означающее нечто “нравственно вредное или пагубное”»¹.

Распространенное с Античности и подробно обоснованное Г. Спенсером уподобление общества и государства живому организму порождает и рассмотрение нарушений его привычного функционирования как болезни. «Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится», – еще два с лишним века назад говорил фонвизинский герой о состоянии



дел при дворе². «Нарыв», «абсцесс», «гангрена», «язва» – эти слова применяются к социальным аномалиям, возникающим в процессе общественного развития, таким как нищета, преступность, проституция, узурпация власти.

В терминах морбуального дискурса нередко рассматриваются и революционные изменения (так, в публицистике Ф. И. Тютчева Великая Французская революция и буржуазные революции 1848–1849 гг. в Европе неизменно осмысляются как опасная болезнь: «Революция – болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие...»³). Для сознания советского человека подобное отождествление было невозможно. Слово «революция» связывалось, прежде всего, с событиями 1917 г. и имело исключительно положительные коннотации⁴. В то же время в эмигрантской литературе и публицистике, в произведениях писателей и философов, оставшихся в Советской России, но не принявших новую власть, подобное осмысление революции как смертоносной болезни было достаточно широко распространено.

О Революции 1917 г. как социальной болезни писали многие. Вернувшийся в Советскую Россию Максим Горький, наблюдая происходящее, приводит развернутое сравнение России с больным организмом: «Русский народ <...> – огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты; русская интеллигенция – болезненно распухшая от обилия чужих мыслей голова, связанная с туловищем не крепким позвоночником единства желаний и целей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью»⁵. Писатель и публицист отмечает, что Февральская революция, низвергнув монархию, «только вогнала кожную болезнь внутрь организма. Отнюдь не следует думать, что революция духовно излечила или обогатила Россию»⁶. В противовес Февральской, Октябрьскую революцию Горький называет «вскрытием гнилостного нарыва полицейско-чиновничьего строя», после чего «веками накопленный гной растекался по всей стране». «Гнойная буря», «взрыв душевной гадости» – так характеризует автор послереволюционный всплеск преступности, падение моральных основ, нарушение законности, но надеется, что подобное вскрытие абсцесса помогло «болезни выйти наружу», после чего начнется процесс «очищения и оздоровления больного организма»⁷.

В 1923 г. в «Социологии революции» Питирим Сорокин также описывает произошедшие в России



события в терминах морбуального дискурса. В отличие от Горького, революцию он сравнивает не с тем или иным методом лечения, а называет ее саму «тяжелой болезнью», «вызванной совокупностью многих причин», и тут же заявляет свою позицию: «...неизбежность болезни не обязывает меня хвалить и одобрять ее»⁸. Непредсказуемость революционного процесса он называет «атипической болезнью», «ход и развитие которой врач не в состоянии предсказать». Такие болезни, «начав с незначительного симптома, не внушающего никаких опасений, <...> неожиданно осложняются и кончаются смертельным исходом»⁹.

Как и Горький, Сорокин пишет о разрушении хозяйства, всплеске эпидемий и смертности, приводит ужасающую статистику роста преступности и проституции (в том числе и детской). Но, в отличие от автора «Несвоевременных мыслей», он рассматривает эти социальные аномалии не как кратковременные неизбежные последствия «вскрытия нарыва», обусловленные всем ходом предшествующего развития страны, а как порождение самой революции, называя их «симптомами болезни»: «Если социальный организм болен – недостатка в симптомах болезни не будет: она проявится не в одном месте, так в другом, не этим, так иным способом»¹⁰.

Сорокин показывает, что революционеры, мнящие себя «врачами социальных болезней», «слишком верят в спасительность внешних, чисто механических мер врачевания в виде замены одних декретов другими, одних общественных институтов иными <...> И они же слишком мало обращают внимания на личность, на население, на улучшение биологических и культурно-социальных свойств последнего»¹¹. Сам автор предостерегает: «...чудодейственных лекарств для русской болезни нет»¹². Преступность невозможно победить только жесткими «чрезвычайными мерами», ибо они «борются только с последствиями болезни, а не с ее причинами. Сколько взяточников расстреливала и расстреливает Чека. И... никакого толку. Взятничество процветает»¹³.

Революционные преобразования Сорокин сравнивает с «наружными» средствами лечения. В то время как, по его глубокому убеждению, необходимы «внутренние», прежде всего – это совершенствование моральных и духовных основ личности, «*возрождение России и русского народа, длительное увеличение его материального и духовного благосостояния* (курсив автора. – Е. Т.)». Процесс лечения – долгий и тяжелый. И осуществлять его необходимо, избегая «всяких чудесных быстроедействующих рецептов. Их нет в научной медицине, нет их и в социальной медицине»¹⁴.

Необходимо отметить, что близкую точку зрения высказывает в 1918 г. разочаровавшийся в революции Горький. Спасение страны он видит уже не в кардинальных изменениях политической системы, а прежде всего в «духовном обогащении»: «Старая, неглупая поговорка гласит: “Болезнь

входит пудами, а выходит золотниками”, процесс интеллектуального обогащения страны – процесс крайне медленный»¹⁵. Интересно, что роль «врачей» автор «Несвоевременных мыслей» отводит уже не революционерам, а интеллигенции: «Русская интеллигенция снова должна взять на себя великий труд духовного врачевания народа»¹⁶.

Осмысление революции и как болезни, и как средства лечения было запечатлено современниками в ярких художественных образах. «Высокой болезнью» называет революцию Борис Пастернак¹⁷. Позднее герой его романа Юрий Живаго в эйфории от революции называет ее, в соответствии со своей профессией, «великолепной хирургией»: «Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали. <...> Это небывалое, это чудо истории <...> Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков <...> Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое»¹⁸.

Писатель и врач Михаил Булгаков, в отличие от Пастернака, никогда не испытывавший оптимизма по отношению к революционным событиям, в статье «Грядущие перспективы» назвавший революцию «злостной болезнью»¹⁹, аллегорически изобразил последствия хирургического эксперимента над природой человека в повести «Собачье сердце», где блестяще проведенная профессором Преображенским операция по пересадке гипофиза умершего пролетария превращает обаятельного пса в наглого, циничного «хозяина жизни».

Подробную разработку метафоры революции как социальной и нравственной болезни общества можно видеть в романах Марка Алданова. Обращаясь к исследованию причин Октябрьских событий, подробно изображая близкий и более отдаленный исторический контексты, автор большое внимание уделяет описанию болезни главных и второстепенных героев. Так в «Истоках» подробное изображение воспаления легких и рака желудка у Дюммлера, многочисленные болезни Бисмарка и Бакунина, эпилепсия Достоевского, психическая неуравновешенность и припадки бешенства у Вагнера воссоздают нервную, болезненную атмосферу начала 1880-х гг., в которой, по мысли писателя, кроются «истоки» исторических катастроф России и Европы XX в. Исследуя «болезнь» общества, Алданов показывает ситуацию выбора, в которой был возможен и благоприятный исход: «Россия сейчас на волосок от того, чтобы в политическом отношении превратиться во вторую Англию»²⁰. Но народовольцы убивают Александра II в тот момент, когда им был уже подписан проект Конституции. «Клино выбирает почему-то из многих наихудший вариант» (А. Кушнер). В романах Алданова медицинский дискурс становится одним из языков описания катастрофической эпохи конца XIX – начала XX в.



История для Алданова во многом оказывается историей болезни – *anamnesis morbi* – со всей ее драматичностью и перипетиями²¹.

Сравнение того, что произошло в России после революции, с болезнью присутствует и в произведениях Владимира Набокова, но выражено оно в основном в публицистических текстах. Так, в Кембридже во время обсуждения резолюции «Об одобрении политики союзников в России» в дискуссионном клубе «Мэгпай и Стэмп» Набоков назвал большевизм «отвратительной болезнью», а Ленина – сумасшедшим²². Вариации этого мы видим и в романах «Приглашение на казнь» и «Bend Sinister». В «Аде» начало болезни Аквы – «умственного расстройств» – совпало с «первым десятилетием Великого Откровения», и «хоть она с наименьшей легкостью могла отыскать для помешательства другие мотивы, статистика показывает, что именно Великое, для иных Нестерпимое, Откровение породило в мире больше безумцев, чем даже сверхсосредоточенность Средневековья на вере. Великое Откровение может оказаться опасней Великого Отворения Крови, сиречь Революции»²³.

Особая тема – «кровавый» дискурс революционной эпохи, в Советской России ассоциативно связанный и с символикой красного знамени. Осмысление революции как необходимого кровопускания присутствует в поэзии Владимира Маяковского («Вот и пустили крови лохани»²⁴), Эдуарда Багрицкого («Чтоб земля суровая // Кровью истекла, // Чтобы юность новая // Из костей взошла»²⁵), в публицистике революционных лет. Кровопускание (или флеботомия) – не столько очистительная жертва, которую должен принести «старый мир» («Мы на горе всем буржуям // Мировой пожар раздуем, // Мировой пожар в крови – // Господи, благослови!»²⁶), но и необходимая мера, ведущая к оздоровлению социального организма, подобно тому, как отворение крови традиционно считалось универсальным средством от многих болезней. (Следует отметить, что в медицине на тот момент к флеботомии уже относились весьма скептически, как универсальный метод она была отвергнута, но при этом стала яркой политической и социальной метафорой тех лет.)

В этом контексте нетрадиционное осмысление образа крови в связи с революционной тематикой можно видеть в новелле Сигизмунда Кржижановского «Странствующее “Странно”», где главный герой, уменьшившись до микроскопических размеров и попав в организм своего соперника, проникает в его кровь и, подружившись с одним из «кровяных шариков» (эритроцитов), начинает свою агитацию за восьмичасовой рабочий день и необходимые выходные. Он проникает в лимфатическую систему врага, и в результате его революционных речей «целые кучи лейкоцитов призывного возраста отказались идти на микробный фронт и орды спирохеттов, бациллин, палочковидных хищников и ядовитых спирилл вторглись в кожные пределы организма»²⁷. Созданный

профсоюз (Венартпроф) продолжил агитацию. В результате – «Революционные дружины красных кровяных шариков двигались к узким капиллярам, где удобнее было принять бой. Часть микробов перешла на сторону защитников старого двадцатичетырехчасового рабочего дня»²⁸. Красные кровяные тельца в борьбе за свои права начинают строить баррикады, что приводит к закупорке сосудов. Но победа оказывается смертоносной для самих завоевателей – перестав свободно течь, кровь начинает густеть, становится вязкой, по «круглым трубам артерий» распространяется «странный холод» – наступает смерть (и ненавистного соперника главного героя, и кровяных телец внутри его кровеносной системы, с которыми расквашик успел подружиться: «Безногие кровяные шарики, лишенные крови, не могли двигаться <...> Захваченный борьбой с человеком, которого я ненавидел <...> я ни разу и не помыслил о том, что вместе с моим врагом должны погибнуть и все мои друзья, доверчивые и безответно отдавшиеся мне»²⁹). «Революционное движение» внутри кровеносной системы приводит к «застою крови». Для 1920-х гг. это необычное, можно сказать, «реакционное» осмысление «кровоавой жертвы».

Морбуальные метафоры употребляются в советской и эмигрантской публицистике, политическом дискурсе по отношению к недостаткам социального устройства общества: обозначения «гангрена», «раковая опухоль», «смертельная/ неизлечимая болезнь» применяются и к социализму, и к «загнивающему капитализму». В 1920 г. В. И. Ленин говорит о «детской болезни левизны» у своих политических оппонентов, а в 1938-м Л. Д. Троцкий называет сталинизм «сифилисом рабочего движения»³⁰.

В романе В. Дудинцева «Белые одежды», рассказывающем о разгроме генетики, фиксируется популярное после знаменитой сессии ВАСХНИЛ сравнение опасной буржуазной науки с заболеванием. Приехавшая столичная комиссия находит в провинциальном институте «следы пережитой недавно вейсманистско-морганистской болезни»³¹.

А. Солженицын создает развернутую метафору опухоли ГУЛАГа. В романе «Раковый корпус» это сопоставление рождается в подтексте. Болезнь главного героя, во многом автобиографического, – опухоль желудка – и излечение проецируются на социально-политическую атмосферу в стране. Вышедший из больницы Костоглотов опытным взглядом бывшего лагерника начинает замечать приметы новой эпохи: лагерная жизнь страны, как и тяжелая раковая опухоль героя, уходит в прошлое. А в «Архипелаге ГУЛАГ» данная метафора становится одним из сквозных образов текста. Солженицын показывает, как возникает первичная опухоль – «материнская соловецкая»: именно СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) возник раньше всех, и здесь оттачивались новые методы «перековки» заподозренных в несогласии с системой людей. Разрастание лагерного Архипелага Солженицын



сравнивает с метастазами. Так называется одна из глав (часть III, глава 3): «Архипелаг дает метастазы». Автор пишет: «...выбрасываются плодотворные метастазы в Джезказган», «пухнут новообразования в Новосибирской области (Мариинские лагеря), в Красноярском крае (Канские, КрасЛог), в Хакасии, в Бурят-Монголии, в Узбекистане, даже в Горной Шории»³². Конец Соловецкого лагеря, закрытого перед войной с Финляндией, Солженицын описывает следующим образом: «Так злокачественны были Соловки, что даже умирая, они дали еще один последний метастаз – и какой!»³³ (создаваемый Норильлаг, куда перевели заключенных с Соловков, вскоре насчитывал 75 тысяч). Само сопоставление лагерной системы со злокачественной опухолью характерно. Здесь актуализируются представления о раке как о смертельной болезни, причем болезни не возвышенной, а отталкивающей и вызывающей страх. Скорость и особенности развития рака – первичная опухоль и метастазы, с образованием которых болезнь становится практически неизлечимой, – подробно соотносятся автором с этапами развития лагерной системы.

Приведенные в статье примеры далеко не исчерпывающие. Но они позволяют говорить о типичности осмысления социальных и политических событий в рамках морбуального дискурса. Метафоры болезни, используемые в художественном, философском, социологическом языке эпохи, ярко демонстрируют авторскую оценку происходящего. Кроме того, введение подобных метафор показывает необходимость «лечения», вплоть до оперативного вмешательства, или же свидетельствует о неизлечимости социального организма. Возникает сопоставление роли политика, пытающегося повлиять на ход истории, и действий врача. То, что легко визуализирует и переживает читатель, представляя болезнь «частного» человека, метафорически переносится на осмысление исторического процесса.

Примечания

- 1 Сонтаг С. Болезнь как метафора. М., 2016. С. 59.
- 2 Фонвизин Д. Недоросль. Л., 1989. С. 97.
- 3 Тютчев Ф. Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и коммент. Б. Тарасова. М., 2011. С. 112.
- 4 Недаром в романе А. И. Солженицына «В круге первом» Сологдин, создавая Язык Предельной ясности, не допускающий иноязычных слов, заменяет «революцию» «Новым Смутным временем», а ассоциативное поле «смуты» содержит слова негативной эмоциональной окраски.
- 5 Горький М. Несвоевременные мысли // Горький М. Книга о русских людях / предисл., прим. П. Басинского. М., 2000. С. 529.
- 6 Там же. С. 440.
- 7 Там же. С. 494.
- 8 Сорокин П. Социология революции. М., 2005. С. 34.
- 9 Там же. С. 35.
- 10 Там же. С. 345.
- 11 Там же. С. 445.
- 12 Там же. С. 423.
- 13 Там же. С. 437.
- 14 Там же. С. 424.
- 15 Горький М. Несвоевременные мысли. С. 440.
- 16 Там же. С. 494.
- 17 О семантике заглавия поэмы Пастернака см.: Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 31; Сергеева-Клятис А. Рождение эпоса // Сергеева-Клятис А., Лекманов О. «Высокая болезнь» Бориса Пастернака. Две редакции поэмы. Комментарий. СПб., 2015. С. 31.
- 18 Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С. 196.
- 19 Булгаков М. Грядущие перспективы / сост. и коммент. В. Лосева. М., 1998. С. 9.
- 20 Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 1991. С. 291.
- 21 См.: Трубецкова Е. «История болезни» в романах М. А. Алданова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 323–326. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326.
- 22 См.: Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы : пер. с англ. М. ; СПб., 2001. С. 201.
- 23 Набоков В. Ада, или Радости страсти // Набоков В. Собрание сочинений американского периода : пер. с англ. : в 5 т. Т. 4. СПб., 2006. С. 30.
- 24 Маяковский В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 265.
- 25 Багрицкий Э. Смерть пионерки // Багрицкий Э. Стихотворения. Л., 1956. С. 58.
- 26 Блок А. Двенадцать // Блок А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М., 1989. С. 370.
- 27 Кржижановский С. Странствующее «Странно» // Кржижановский С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 337.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 339.
- 30 Троцкий Л. К конференции Лиги американской социалистической молодежи // Троцкий Л. Архив : в 9 т. Т. 9. URL: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t9.txt (дата обращения: 10.07.2017).
- 31 Дудинцев В. Белые одежды. М., 1989. С. 89.
- 32 Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования : в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 58.
- 33 Там же. С. 57.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68.

Cite this article as:

Trubetskova E. G. Illness as a Social and Political Metaphor in Literature and Journalism of the XXth Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 65–68 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68.